

Интересная штука – человеческая память. Ты не знаешь, в каком её уголке хранится когда-то услышанное или увиденное. Спустя годы, оно, – забытое и разрозненное, может проявиться и воссоздать цельную картину.

Как-то мне порекомендовали маникюршу, которая приезжает домой, берёт недорого и работает качественно. Так я познакомилась с Лизой. Понятно, что в течение двух часов женщины не могут сидеть молча, ведь заняты только руки. Мы болтали. Тем более что общие интересы нашлись сразу – книги.

Каждое появление этой молодой энергичной женщины приносило в мой дом свежие впечатления. Но однажды Лиза меня удивила. В этот день она выглядела немного иначе, чем всегда. Посмотрела на меня с лёгкой лукавинкой и сказала:

– Вот вы пишете книги для детей, а я работаю с детьми в детдоме.

– А маникюр?..

– Это подработка. Вдвоём с сыном на зарплату воспитателя разве проживёшь? Он у меня ещё дошколёнок. Да и работать с детьми я люблю.

В кончиках пальцев у меня появился зуд. Хотелось взять блокнот и ручку или включить диктофон, но над руками колдовала Лиза. Я попросила:

– Расскажите, почему вы выбрали детский дом. О ребятах. Трудно ведь с ними?

Именно в этот момент у Лизы тихонечко пикнул телефон. Она слегка вздрогнула и заулыбалась. Фреза заметалась по ногтю.

– Да вы посмотрите сообщение, – предложила я.

Лиза прервала работу, взяла телефон, заглянула в него. Щёки её зарумянились.

– Это ребёнок пишет. Опять фотографию прислал. Ваня, – добавила она и повернула телефон в мою сторону.

С экрана смотрел улыбающийся брюнет лет восемнадцати.

– Ничего себе ребёнок! – рассмеялась я. – Как в любимой песне моей мамы: «руки сильные, брови взрлёт».

Лиза снова взялась за работу.

– Он нашёлся!..

Лиза всё внимание сосредоточила на моих ногтях. Но у неё подрагивали уголки губ, между бровями играла складочка и пульсировала жилка на виске. Сообщение выбило женщину из колеи и всколыхнуло что-то спрятанное глубоко внутри. Я ждала. И наконец Лиза заговорила:

– Я же пединститут закончила. Десять лет назад. Можно конечно было пойти работать в школу. Взять первый класс с нарядными первоклашками. Получать первого сентября море цветов. Учить новоиспечённых школьников читать и писать. Уроки, родительские собрания... Но тогда мне казалось, что это слишком просто. Как же, в руках твёрдая корочка, я – специалист. Энергия-то кипела! Вот и подумала про детский дом. Чтобы их, детдомовцев, увести от падений, ошибок. Тех, кто обделён любовью, поддержкой. Сомнения тоже мелькали. Справлюсь ли? Откликнутся ли? И всё же я устроилась на работу в детский дом. Трудно ли с ними?..

Лизины руки проворно скользили фрезой по моим ногтям и вокруг. Изредка она поднимала на меня глаза. Зелёные, красивые, но уже без лукавинки. Да и не меня она видела. Она была там, в своём прошлом. Я боялась пошевелиться, чтобы не спугнуть, не разрушить её воспоминания.

– Первые же дни работы показали, что не просто. Такие разные! Это не несколько академических часов на уроках в школе. Смены – двадцать четыре часа в сутки. С каждым ребёнком найти общий язык. Это как идти в гору у альпинистов: долгий и трудный подъём и – несколько мгновений восторга на вершине. Но каких мгновений!

Как-то мы с ребятами готовились к празднику. Не наш, но забавный. Хэллоуин. Он попадал на день моего дежурства. Мы решили устроить вечеринку с маскарадом, угощением и танцами. Готовиться начали заранее. Я даже притащила на работу большую круглую тыкву и свечи. Девчонки сразу принялись выскрести из тыквы внутренности. Все вместе мы обсудили, какие костюмы будем делать, и принялись за работу. Принесли картонные коробки из соседнего магазина, у себя собрали все краски, которые нашлись, и ножницы.

Работы хватило всем желающим. Кто-то рисовал, кто-то резал и клеил, а кто-то сновал среди работающих, изображая кипучую деятельность. В игровой – шум, сутолока. Только один мальчишка сидел в стороне. Он появился всего неделю назад и ещё чувствовал себя не в своей тарелке. Это и был Ваня, худенький восьмилетка с грустными глазами. Он смотрел на нас удивлённо: не понимал, как можно здесь веселиться. Когда я поворачивалась к нему, его глаза, как испуганные птенцы, взмахнув крыльями-ресницами, шарахались в сторону. Не нашла я в той суеде, как к нему подойти.

Вскоре у нас появились чёрт с рогами, русалка, Кощей Бессмертный, два дракона и даже несколько роботов. Почти до самого отбоя провозились. Перемазались красками, но выглядели довольными! Сложили поделки и костюмы в углу игровой комнаты до праздника. Я, как положено, скомандовала: «Умываться и спать!»

Когда улеглись, я пошла с обходом спален. Старшие притворно замерли при моём появлении. Совсем как мы когда-то в летнем лагере. Знала я, что закрою дверь – и начнутся возня, хохот, а потом страшные истории. Поэтому уже из коридора снова просунула в дверь голову и строгим шёпотом распорядилась: «Только чтобы тихо и по коридору не бегать!»

В темноте прыснули, еле сдерживая смех. Я отправилась к младшим. Там уже почти все спали. Только в комнате мальчишек услышала всхлипывания. Ваня лежал, уткнувшись лицом в подушку. Я подошла к его кровати, села на краешек. Он затих, но плечики продолжали вздрагивать. И опять слов у меня не нашлось. Да разве словами поможешь? Я молча погладила его по спине. Так и сидела. Гладила простиупающие сквозь одеяло лопатки. Сначала прекратились вздрагивания, потом ушло напряжение и послышалось ровное дыхание спящего мальчишки.

Потом я часто вспоминала тот вечер. Задавала себе вопрос, могут ли минуты у постели восьмилетнего ребёнка заменить девятимесячное вынашивание в утробе? Какая она – материнская любовь? В свои двадцать два года я ещё не испытала этого чувства. Но как назвать то тепло, которое заставило замереть моё сердце?

Уже на следующее утро Ваня не прятал глаза. Испуг в них растаял как льдинка. Хотя утро и не было добрым. Перед уходом домой я увидела, что все костюмы, которые мы сделали накануне,

лежали в углу кучейхлама, изрезанные и разорванные. Для меня это было потрясением: кто? зачем? почему? Я не хотела, чтобы дети увидели это. Сама собрала весь мусор. Озиралась, словно воришка, и чуть не ревела. Даже постаралась убежать с работы незаметно.

Как же черно в душе у того, кто резал и рвал! А разве в черноте что-то увидишь? И я решила не выяснять, кто и почему. Пришла в день праздника, собрала ребят и объявила: «К сожалению, все наши костюмы пропали».

Ребята молчали. Явно ждали разборок, поиска виновных. Кто-то сжался и втянул голову в плечи. Кто-то смотрел исподлобья с вызовом. Заметила я и испуг в широко распахнутых глазах и плохо скрытую злость тоже. Ваня смотрел с сочувствием, его сестра Юля с усмешкой. Меня словно к стенке поставили. Долго потом я вспоминала эту сцену. Тогда я справилась и продолжила по задуманному дома сценарию: «Но праздник не отменяется. У нас есть светящаяся тыква, музыка, краски. Мы с вами напечём пирогов и печенюшек, разрисуем свои рожицы и устроим дискотеку!»

Мои слова действовали как команда «отомри!». Угрюмость, испуг, напряжение, усмешки на лицах ребят сдуло выдохом облечения. И наш праздник удался.

– Вы так и не пытались выяснить, кто и почему это сделал? – не удержалась я от вопроса.

Лиза помолчала, сменила фрезу. С улыбкой покачала головой.

– Им просто любви дома очень не хватает. Мы стараемся, конечно, но... – Лиза опять помолчала. – И всё же я не ошиблась с выбором работы. Однажды мама сказала: «Даже не знаю, где для тебя больше дом: здесь или там? Порхаешь, будто на праздник собираешься». Я обняла её конечно: «Не ревнуй, мамочка, я тебя очень люблю! Но ты просто не представляешь, какая чудесная у меня работа – сплошные обнимашки!»

Я не лгала маме. Потому что со временем, когда я приходила на смену, многие ребята правда бросались обниматься. И Ваня тоже. Мне стоило большого труда не обнять его крепче, чем остальных. К тому же я частенько в этот момент ловила на себе неприязненный взгляд Юли. Может, она ревновала, хотя сама редко подходила, обычно стояла в сторонке. Без Вани же её как подменяли. И болтала со мной, и смеялась. За глаза, правда, отзывалась обо мне нелестно. Нет, я не расспрашивала, это они сами болтунишки. Я не могла понять, когда же Юля настоящая.

Вскоре я заметила, что начала скучать по Ване на выходных. И однажды договорилась с директором взять Ваню и Юлю во время каникул домой. Ваня очень обрадовался. Юля вспыхнула, глядя на его радость, и отказалась. «Я лучше с ребятами останусь», – заявила она. Те дни были восхитительны. Мы с Ваней ходили в кино, гуляли по набережной, катались на каруселях. Потом вместе пекли торт. Вечером пили с ним чай. За столом Ваня

и мой родители выглядели совсем как внук и бабушка с дедушкой. Тогда у меня впервые и мелькнуло, что мы семья.

В первые дни каникул Ванины движения напоминали робота. Сидел, ходил, ел угловато, как на шарнирах. Зато в этот вечер он оттаял и вёл себя как обычный домашний ребёнок. Я же летала по квартире, словно выросли крылья, и поток воздуха поднимал меня выше и выше. Особенно, когда проходила мимо журнального столика, за которым отец учил Ваню играть в шахматы.

Вечером я сказала Ване: «Спокойной ночи!» Он тихо так ответил: «Последняя ночь. Завтра обратно». Меня словно чем-то острым кольнуло. Я потрепала Ваню по голове и, может, излишне бодро ответила: «Да ладно, не последние каникулы в жизни!» Но в следующий раз Ваня категорически отказался провести каникулы у нас. Я терялась в догадках: почему? Он не объяснял, хотя по-прежнему радостно встречал на работе, крутился всё время рядом. Но что-то изменилось. Что?

Лиза замолчала... Потом выдохнула и заговорила быстро и сжато, будто хотела пробежать тёмный закоулок.

– Дальше всё пошло как-то вкривь и вкось. Усыновить Ваню мне не дали. Причин для этого было много: его сестра, мой возраст и жилищные условия. Поэтому, когда появилась семья из далёкого северного города, которая захотела взять под опеку Юлю и Ваню, я посоветовала ему соглашаться. Я и сейчас уверена, что любая семья может дать ребёнку больше, чем даже очень хороший детский дом. Правда, я надеялась, что Ваня будет мне писать. Но писем не было. Может, приёмная мама была против. Мы даже не попрощались перед их отъездом. Они уехали так неожиданно быстро – в мой выходной. Ваня словно увёз с собой два года моей жизни – столько он пробыл в нашем детском доме.

У меня долго саднило в груди. Почему не попрощался, не сказал ни слова? Обиделся? На что? На мой совет согласиться идти в семью? Я перебирала в памяти день за днём, но ответ так и не нашла. Как же я привязалась к этому мальчишке за два года! На что рассчитывала? Что не срастётся с той семьёй? Что если Юля не согласится? Или Ваня? Всё срослось, и оба согласились. Думала: может, самой написать? Не вышло.

«Елизавета Петровна, я не могу дать вам адрес опекунов, это запрещено, – сказала мне директор. – Им надо привыкнуть друг к другу. А вы можете этому помешать. Да и уехали они в закрытое административное образование. Понимаете? Туда без пропуска не пускают. Не волнуйтесь, дети попали в хорошую семью». Долго я ждала письма, но он так и не написал. Каждый новый рабочий день я непроизвольно искала глазами его среди ребят, которые бежали навстречу поздороваться. Так и саднило в груди, словно незаживающая царапина.

И вдруг несколько дней назад в сети «Вконтакте» он попросился ко мне в друзья. Забрасывает

сообщениями и фотографиями. Распращивает про сына моего, Андрюшку. Обещает приехать.

Лиза показывала мне одну фотографию за другой. Восхищение, нежность в её взгляде вызвали у меня странное чувство. Недоверие? Удивление? Такая любовь к чужому ребёнку...

Многое я узнала о Лизе. Что была замужем. И вышла не потому, что влюбилась, а потому, что пора пришла. Родила сына. Это на время помогло ей забыть Ваню, но только на время. Не единожды, глядя на Андрюшку, она ловила себя на мыслях: «Ване бы он понравился» или «Ваня бы научил его».

С мужем у них не сложилось – расстались. Жили с Андрюшкой вдвоём. Она по-прежнему с радостью бежала на любимую работу. Конечно, зарплаты на двоих не хватало. Муж не помогал. Отучилась на мастера по маникюру, и появилась подработка...

Лиза часто рассказывала мне про Ваню. Про Андрюшку тоже. Но как-то совсем по-разному. Что-то в её глазах при этом не переставало меня удивлять. Однажды Лиза даже заметила:

- Вы как-то странно смотрите на меня.
- Вам показалось, – поспешила я заверить.

Вскоре мне пришлось уехать из родного города. Грустновато терять тёплые встречи с хорошим человеком и мастером...

Несколько лет спустя мне пришлось вернуться в свой город в связи с болезнью родственницы. Я пришла на разговор с лечащим врачом, но его вызвали на срочную операцию. Пришлось ждать на скамейке в больничном дворе, когда доктор освободится.

Погода чудесная, лето в разгаре, но двор был пуст: в первой половине дня больные обычно ждут обхода и принимают процедуры. Только за окнами больницы туда-сюда сновали фигуры. Изредка из одной двери в другую деловым шагом переходили люди в зелёных или голубых брючных костюмах.

На одной из дверей красовалась крупная надпись «Приёмный покой». Оттуда вышел молодой мужчина и принялся ходить взад-вперёд по одной из дорожек. Что-то в его лице мне показалось знакомым, словно я уже где-то видела эти черты. Он подошёл ко мне и спросил, который час. Я посмотрела на мобильник:

- Четверть двенадцатого.

Мужчина издал нервный смешок, хлопнул себя по карману и со смущённой улыбкой сказал:

- Спасибо. Мог и сам посмотреть. Совсем голову потерял.

Он достал свой телефон и застыл, глядя на его тёмный экран.

– Да вы садитесь, – предложила я, – всё будет хорошо, здесь замечательные врачи, помогут.

Очнувшись, собеседник окинул удивлённым взглядом пустой двор и сел рядом со мной на скамейку.

– А сколько может длиться операция? – спросил он.

– Вы успокойтесь, – снова попыталась я подержать его, – врачи разберутся. А ваше волнение может передаться близкому человеку. Лучше поспойте ему спокойствие и уверенность.

– Ей, – уточнил мужчина, – жене. Да, спокойствие и уверенность, – повторил он как эхо.

Вдруг он повернулся ко мне, схватил за локоть и заговорил быстро, скороговоркой:

– Она – это всё, что у меня есть! Я столько лет к этому шёл! Я не могу её потерять!

По внешнему виду мужчина выглядел ровесником моего старшего внука, и мне так захотелось погладить его по голове, успокоить. Но я не придумала ничего лучше, чем сказать:

– Почему же сразу терять? Лучше расскажите о жене. Как вы встретились?

Он посмотрел на меня так, словно я только появилась ниоткуда. Тряхнул головой и сказал:

– Длинная история. Тянется с детства. Вам будет неинтересно.

Уголки его губ слегка вздрогнули, словно улыбка пыталась вырваться из плена тревоги.

– Люблю про детство, – заверила я его. – И время ожидания пройдёт быстрее.

Он опять посмотрел на меня – и всё же улыбнулся.

Эти глаза, эту улыбку – где я видела раньше?

– Блин, лишь бы быстрее, – добавил он и замолчал.

Оставаться наедине с собой и своими мыслями он смог только пару минут. И заговорил:

– В восемь лет я попал в детский дом. Я и старшая сестра. Всё у нас пошло кувырком после смерти отца. С каждым годом хуже и хуже. Мать то спала, то кричала. Думал – болеет. Лет в семь-то я уже догадался, чем она болела. Да и Юлька, сестра моя, шипела при появлении матери: «Опять нализалась...» и старалась сбежать к подружкам. Потом мать часто вообще домой не приходила по нескольку дней. Особенно один день запомнился. Есть нечего, одни макароны. Холодные, слипшиеся, а подогреть не на чем. Ни масла, ни газа. Плитка – и та перегорела. Я затолкал в себя несколько противных, безвкусных макаронин, чтобы в животе перестало сосать, и запил водой из-под крана. Почему-то было холодно. На улицу совсем не хотелось. Играть тоже. Юлька лежала на своей кровати носом к стенке. Может, спала, а может, притворялась. Послышался звук открывающейся двери. Я уже даже боялся появления матери. Съёжился весь и прислушался. Она? Пьяная? Но вошла соседка тётя Таня. «Привет, ребята! – сказала она, – я тут блинов напекла, получилось очень много. Решила вас угостить по-соседски. Налетайте!» – и поставила на стол целую тарелку с блинами и варенье в баночке. Круглые такие блины, поблёскивали. Наверное, маслом смазывала. Я чуть слюной не захлебнулся. Но всё равно стыдно было набрасываться. Тогда я уже всего стыдился: что срach в квартире, что холодильник пустой. Еле удержался, чтобы не затолкать в рот сразу целый блин. Даже ка-

ким-то каманным стал. Я жрать-то хотелось. Я взял блин и стал откусывать маленькими кусочками. Типа, подумаешь – невидаль. Словно каждое воскресенье мы ели такие вкусные блины. Тётя Таня поняла, что смущает. Хорошая тётка была, добрая. Она, конечно, улыбалась, но в её глазах застыла жалость. А я не хотел, чтобы меня жалели, и изо всех сил делал вид, что ем из вежливости. Юлька у нас сильная. Даже не подошла к блинам, пока тётя Таня не ушла. Зато когда та сказала, что за тарелкой зайдёт вечером и ушла, мы оторвались...

Потом за нами приехали. Это когда мы не пришли в школу первого сентября. А с чем идти? Матери нет. Ни тетрадей, ни ручек и карандашей – ничего. Я стоял у окна и смотрел, как нарядные ребята идут с букетами цветов. Из каждого подъезда выходили большие и маленькие, с ранцами или рюкзаками, с родителями и поодиночке. Словно маленькие ручейки направлялись в сторону школы. Представлял, как там, на школьном дворе, колышется море цветов, бантов и белых рубашек. Злился. Так мне запомнился тот день.

А потом детский дом. Первые дни были ужасны. Почему-то страшно было. Наш неудобный дом – всё же свой дом. Я мог выйти, когда хотел. Знакомый двор, соседи. А тут всё и все чужие. Но я держался. Целую неделю. А однажды вечером не выдержал и разревелся. Лежал, уткнувшись в подушку, чтобы ребята не услышали, и ревел. Хотелось найти тёмный-тёмный угол, и чтобы вокруг – никого. Чтобы не наступило утро. Чтобы ни свет, ни солнце вообще не появлялись.

И вдруг кто-то сел на край моей кровати и погладил меня по спине. Она сидела и молча гладила меня, пока не заснул. Как крыло ангела. Оно страх смахнуло. С того дня я очень привязался к этой воспитательнице. Бежал обниматься, когда на смену приходила. Малой, что скажешь. Обнимет – тепло так. Дни радости, когда она на работе, и дни ожидания, когда у неё выходные. Я привык к этому ритму. Огорчало только, что даже с сестрёнкой нельзя поделиться тем, как мне хорошо возле неё. «Все противные, – говорила Юлька, – только притворяются. А самим на нас наплевать. Зарплату, блин, отрабатывают».

Я не спорил, но и не верил. Ну, про неё не верил. Я же видел, видел, что она не притворяется. По глазам, по улыбке. Глаза не умеют притворяться. По ним всё видно: кто любит, кто нет. Однажды она пригласила нас с Юлькой провести каникулы в её семье. Как я обрадовался! Это же здорово! Но сеструха отказалась. «Почему?!» – спросил я. Юлька даже рот скривила, махнула рукой и зло резанула: «Блин, не хочу и всё!» А я пошёл. Такие здоровские каникулы у меня были первый раз. Уже через пару дней я почувствовал себя как дома. Как должно быть дома. С матерью такого я не помнил. Бабушек и дедушек просто не знал. А тут, словно с бабушкой и дедушкой. И главное – с нею.

Когда мы шли утром обратно в детский дом, я считал дни до следующих каникул. Правда, всё

время сбивался. Мне так хотелось рассказать ребятам, где мы были, что делали. Ведь я научился играть в шахматы! Но когда пришёл в свою группу, на меня словно подул холодный ветер. Вадька, с которым мы обычно болтали перед сном, играли в футбол, сидели за одной партой, посмотрел на меня как-то странно и отошёл. Даже не спросил ничего. Может, показалось? Я подошёл к нему и спросил: «Как дела?» В ответ услышал: «А тебе какое дело?» Сперва я даже не понял. Но и другие ребята тоже словно и не заметили моего появления. Невидимка такой. Никто ко мне не подходил, не заговаривал. Завидуют? Ну ладно, Санька может завидовать. Ему некуда идти на каникулах. А Вадька? Он же всё лето у бабушки в деревне жил. И ничего. А я первый раз за два года каникулы провёл не в детском доме. Такая злость взяла. Так значит?! Они тут все вместе, а я рыжий? Бойкот объявили? Ну и хрен с вами!

Зубы стиснул и жил. Продолжалось это недели две. Не понимал, конечно, за что. Я что, предал кого-то? Или обманул, или взял чужое? Внутри кипело: и злость, и обида. Да и одиноко очень было. Но сам я ни к кому больше не подходил. Будто между мной и ребятами стена кирпичная. Я тогда даже её, воспитательницы, слегка сторонился. Много думал эти две недели. Как-то даже повзрослел. Словно неделя шла за год. Как на войне год за три.

Потом в этой стене появились дыры. То игрока в футбол не хватало – позвали. Или математику кто-то не сделал и у меня списал. А ещё я рыбные котлеты не ел. Не выбрасывать же – забрали и поделили. Постепенно всё более-менее устаканилось. Но ещё раз не хотелось так влипнуть. Ведь в детском доме ещё жить и жить. Поэтому я решил, что больше к воспитательнице домой не пойду. Нет, я не забыл тот вечер и те каникулы, и отношение к ней у меня не изменилось. Просто я повзрослел, но ещё не вырос. Решил, что вырасту – сам приду.

Вскоре нас забрали в новую семью. Меня и Юльку. Меня это даже обрадовало. Оставаться в детском доме я не хотел. А тут у нас с сестрой появилась семья и почти мама – мама Катя. Но воспитательницу я не забыл. Она совсем другое. Уехали мы в день, когда у неё был выходной. Даже не попрощались.

В первый же день на новом месте мама Катя сказала нам: «Мы семья. Можете называть меня мамой. Когда захотите». Сначала не получалось. Вроде уже есть где-то мама. А разве бывает несколько мам? Но однажды в школе в разговоре с одноклассником, у меня выскочило: «А у нас мама всегда дома, когда мы из школы приходим». Так и появились у меня мама и папа. «Оказывается, бывает и так, что у человека две мамы», – думал я. Мне даже не надо было, чтобы меня любили. Любовь у меня была. И цель тоже. Стать взрослым, самостоятельным и... вернуться. С мамой и папой я мог это сделать. Просто надо учиться, хорошо учиться, чтобы идти к своей цели.

Однажды я случайно услышал разговор. Мама Катя говорила отцу: «Вот есть у него что-то, о чём он не говорит». Я сразу понял, что разговор обо мне. Отец ответил: «Парень хорошо учится, нет подростковых закидонов, что тебе ещё надо? Вот Юлька ко всему равнодушна, это проблема». Мама вздохнула: «Да, ни в голову, ни в душу не залезешь. Но как-то тревожно. Знать бы...» Я не стал дальше слушать и тихонько ушёл в свою комнату. Уж я-то свою тайну знал.

У моего собеседника зазвонил телефон. Он схватил трубку. Разговор был коротким. Но судя по тому, как разгладилась суровые складки между бровями и засияли глаза, новость была хорошей.

– Операция закончилась. Прошла успешно! Худшее не подтвердилось, Лиза поправится!

Знакомая Ванина улыбка поставила для меня точку в этой необычной истории.